

Новый образ Буранного Едигея

Моск. новости, 1985, 17 марта, №11

С тех пор как четыре с лишним года назад был опубликован роман Чингиза Айтматова «И долгие века длится день» («Буранный полустанок»), о нём было написано такое количество исследований и рецензий, что они в несколько раз превышают по объёму это сравнительно небольшое повествование. Книга по сей день занимает умы читателей, а теперь уже и зрителей: не один театр пробует свои силы, инсценируя это произведение.

Свою версию айтматовского романа предложил Театр имени Вахтангова. Поставил спектакль казахский режиссер Азербайжан Мамбетов, он же автор инсценировки.

Сложный мир книги, в которой силой писательского таланта соединились земля и небо, прошлое и будущее, жизнь одного человека и судьба человечества, нашёл в театре прежде всего образное живописное решение. Художник Иосиф Сумбаташвили среди желтых степных песков проложил уходящие в небо рельсы – как символ неразрывной связи обыденной жизни и космоса, непрерывности самого человеческого бытия.

В любой инсценировке неизбежны обретения и потери. Так и новая работа Театра имени Вахтангова, наверное, не во всем адекватна глубинной сути романа, предлагая скорее иллюстрацию (пусть яркую и талантливую) к нему, нежели собственное прочтение.

Но одно, главное обретение, которое придает смысл всему спек-

таклю, очевидно. Это Михаил Ульянов в центральной роли Буранного Едигея.

За годы своей актерской жизни Ульянов сыграл много характеров сильных – царей, диктаторов, полководцев. Его Едигей, скромный рабочий затерянного в степях железнодорожного разъезда, тоже покоряет силой, но не авторитарной власти, а душевной стойкости, нравственного величия.

Артист раскрывает суть этого замечательного образа, который Айтматов наделил редким свойством – трудолюбием души: на своей неприметной должности он поднимается до высот мыслителя и, несмотря на любые трудности и страдания, счастлив, как может быть счастлив человек, понявший, что смысл жизни – в ответственности за свои дела и поступки.

Размышляя о работе над ролью, Михаил Ульянов писал, что каждому человеку по-своему видится этот образ. «И мой Едигей, – отмечал он, – вероятно, мало похож на романного. Внешне уж точно. Мы и гримы казахские не искали. Не так важно, какой национальности этот человек. Важно, что он человек. Человек, которого тревожит все, что происходит и с человеком, и с человечеством.

Человек, который знает, что всегда надо оставаться человеком. Кто бы ты ни был и где бы ты ни был».

**Григорий МАЙЗУС,
Юрий КАМЕНЕЦКИЙ.**